

04.10.96

Новая газ. - 2006-02-04 окт. - с. 25-26.

В русских летописях отмечено: были люди, умевшие «слушать землю». По ее гулу предсказывали исходы будущих битв. Светлана АЛЕКСИЕВИЧ — человек XXI века, наделенный этим старинным даром. Все ее книги родились из умения «слушать землю», потаенный рокот «русского разговора».

Сейчас Светлана Александровна собирает материал для второй части книги «Зачарованные смертью». Судьбы тех, кто дошел до края смерти в 1985—2005 гг. «Подпочвенный гул» России последних двадцати лет.

Вероятно, Алексиевич будет работать долго. Блистательно долго. На самом деле: бесконечное дефиле «писателей № 1 в России», живущих в этом статусе ровно столько, сколько нужно издательскому концерну для продажи пятидесяти тысяч тиража, — лучший фон для ее молчаливого перфекционизма.

Но читателю хочется задать тот же старый вопрос из летописей: «Что слышишь?». И ответы писателя — почти как из текста XIV века: «Слышу землю, рыдающую двояко...». Вот эти ответы.

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ:

**«Вся Россия меняется.
И каждый в России
остался наедине
с этими
изменениями»**

Человек промежуточный

— Что вы видите, когда едете по России?

— Вижу огромный котел, в котором варится очень много разных идей. А также новых мыслей и чувств. И в людях идет какая-то внутренняя работа.

Двадцать лет назад: вспомните, как слушали Адамовича, Окуджаву! Казалось: пришло время борьбы с чудовищем. И к ней мы были готовы. А выяснилось: надо просто жить, хлопотать о жизни. Этого-то мы и не умеем.

Думали: будет социализм с человеческим лицом. А очутились в мире, где «скорая помощь» может отказать в уколе камфары, развернуться и уехать: «сердечник» — иногородний, у него нет полиса. В мире, где ТВ информирует нацию: вчера олигарх Эн Эн позолотил свой самолет. И нет человека, который бы сказал: это грех. Это стыдно — в бедной стране.

В начале 1990-х наш человек был выброшен на экзистенциальный холод. В пространство, где нет иерархий. Нет системы ценностей. Где вдруг не стало понятий о взаимопомощи. О добре и зле, наконец.

Каждого спрашиваю: на каком шарнире так повернулась жизнь? Когда произошло перерождение? Почему такое безоглядное? Пока никто не ответил.

Но слушать «русские разговоры» стало безумно интересно. Какая-то внутренняя работа идет в стране: от академика до «челнока». Человек сейчас добывает, выбрасывает из себя очень много новых ощущений. И поскольку он живет в совершенно потрясенном состоянии — отдельный человек и его повседневность сейчас интереснее, чем власть. Даже чем культура, нарабатанная прежде. Вопросы самим себе люди задают другие. На них русская культура XIX века ответов не дает.

Жили идеей государства Российского. А остались решительно без идей.

Не знали, как сильно... искушение удовольствием. Теперь знаем.

Все в этот процесс втянуты. А при том: каждый в России с этими мыслями остался наедине.

— Где вы собираете материал?

— Много встреч было в Москве, в Петербурге, в Твери. Ездил по Карелии, по деревням. Была на Валааме. Скоро еду в Воронеж. Ну... далее — везде.

Большинство людей «в губерниях» живут с ощущением, что их обделили. С ощущением большой несправедливости. Я не скажу, что там революционная ситуация. Но тихо, упорно копится пласт мощного социального недовольства. Одна женщина сказала: «Раньше были

РИА Новости

коммунисты и диссиденты, а теперь богатые и бедные. Раньше мне жить было страшно, теперь еще страшнее».

В деревне и правда страшно. Села разграблены, самопальной водкой залиты — все ее там бесконечно гонят, за копейки ее туда возят. Сознание помутнено. Теперь сельский семейный эпос такой: были три сына — один был богатым, да разорился. Второго убили. Третий сидит. Раньше невестка из города приезжала деньгами швыряться по селу. А теперь приехала: последних курочек забрала детям.

И рядом женщины с такими прекрасными лицами, такие беспомощные. В старых, советских еще одеждах. Интеллигенция сельская... Это невозможно видеть! И кажется: Москва — столица другой страны. Не может быть, чтобы этой.

Нет, нельзя говорить: «Безвинные жертвы страшной эпохи». Несколько лет назад мы приехали в Сибирь с японской киногруппой. И в одной избе мужик так прекрасно говорил о России! Такое лицо хорошее. А во дворе — непролазная грязь, с трудом машина с оборудованием заехала. Японский режиссер долго мялся, потом спросил: «Скажите... Почему вы не привезете две машины гравия?».

И мужик так оскорбился: у него полет мысли, а тут какой-то гравий!

«Каждого спрашиваю: на каком шарнире так повернулась жизнь? Когда произошло перерождение? Почему такое безоглядное? Пока никто не ответил»

(Окончание материала
Елены ДЬЯКОВОЙ на стр. 26)